

**РОДСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ:
РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ¹**

Введение

Для типологии главный интерес представляют повторяющиеся свойства естественных языков: они свидетельствуют о существовании языковых универсалий. Общепринято, что выборка языков, ориентированная на решение такой задачи, должна быть, во-первых, достаточно велика (от нескольких десятков до нескольких сотен языков), а во-вторых, достаточно разнообразна: например, никакие языки из этой выборки не должны состоять в близком родстве (см. Yubee 1985, Yubee et al. 1994 и др.). Понятно, что типологи избегают близкородственных языков, опасаясь, что значения изучаемых признаков окажутся в них одинаковыми за счет изначального сходства языковых единиц, а не ввиду независимого действия универсальных принципов. Но не обедняет ли такая избирательность типологические исследования в каком-то другом отношении? Время от времени сомнения такого рода возникают и даже обсуждаются среди самих типологов. Например, в работах Кибрик 1992, Kibrik 1998 защищается мысль, что результаты сопоставления родственных языков могут быть не просто релевантны, но и очень важны для типологии. Аргументируя свою позицию, А.Е. Кибрик приводил материал грамматики и синтаксиса, однако, как кажется, в еще большей степени, чем по отношению к грамматике и синтаксису, это утверждение верно применительно к лексике и к такой специальной и малоизученной области типологии, как лексическая, или семантическая типология. В нашей статье речь пойдет именно о ней.

Естественно, что лексическая типология – точно так же, как и фонетическая, морфологическая или синтаксическая – изучает повторяющиеся в разных языках параметры или системы параметров. Специфика этой области лингвистических исследований состоит в том, что она утверждает повторяемость параметров, которые непосредственно, в отличие от звуков, грамматических показателей или синтаксических конструкций, не наблюдаемы: они могут быть выявлены только в ходе глубокого семантического изучения лексики разных языков в сопоставительном плане.

Ввиду сложности проблемы, лексическая типология (в особенности по сравнению с грамматикой и синтаксисом) почти не имеет истории вопроса. Разумеется, нельзя не упомянуть здесь пионерские работы А. Вежбицкой (Wierzbicka 1991, 1992 и др.), которые, впрочем, ориентированы в большей степени на этнолингвистику, чем на собственно типологию: акцент в работах Вежбицкой делается, скорее, на культурную специфичность лексики, чем на ее сопоставимость в разных языках. В том же в целом ключе выполнены и немногие работы лингвистов отечественной школы, прежде всего, А.Д. Шмелева, ср. Шмелев 2002².

Замечание

Традиционным примером уже разработанного системного описания лексики в типологическом плане считается – начиная со знаменитой работы Berlin, Kay 1969 – поле цветообозначений. Действительно, библиография лингвистических исследований, касающихся названий цветов, огромна. Но цвета – с точки зрения лексической типологии – пример непоказательный: семантика цвета устроена иначе, чем семантика любого другого поля. Дело в том, что цвет может сам быть отдельным параметром, лексически выраженным (или не выраженным) в некотором языке. Такие параметры относительно легко исчислить и сравнить (разумеется, в полном объеме эта работа очень сложна и тоже пока не сделана). И хотя эти параметры не независимы друг от друга (синий связан с зеленым, черный с белым и т.д.), хотя в некоторых языках они выступают склеенно (как сине-зеленый в японском), всё же картина здесь похожа, скорее, на ту, которая характерна для

¹Исследование поддержано грантом РГНФ 02-04-00303а.

²Особняком стоят сопоставительные исследования лексики в диахроническом плане (ср. Дыбо 1996, Зализняк 2002); нас в этой работе будет интересовать исключительно синхронный срез лексических систем.

грамматических значений и принципиально отличается от той, которая более естественна для лексических полей – скажем, поля позиционных глаголов (см. Рахилина, Лемменс 2003), глаголов перемещения в воде (см. Майсак, Рахилина 2003) или температурных значений (см. Копчевская, Рахилина 1999). Невозможно даже представить себе смысл, напоминающий ‘сидеть’ или ‘горячий’ в качестве простейшего параметра, организующего поле в той же степени, как ‘белый’ или ‘черный’. Как и в других “обычных” семантических полях, в поле позиционных глаголов, глаголов перемещения в воде, температурных значений и др. отдельные параметры не имеют прямых лексических соответствий, они являются частью толкования, сложным образом встраиваются в семантику лексем и переплетаются с другими компонентами их значения. Например, для системы позиционных глаголов, по-видимому, важен параметр фиксированности в пространстве, для глаголов плавания – идея пассивности движущегося объекта, его подчиненности движению потока жидкости, а для температурных значений важнейшей “точкой отсчета” является температура человеческого тела. Но, как показано в цитированных выше работах, повторяются эти параметры в языках не в виде отдельных единиц лексической системы, а в виде релевантных для каждой такой системы фрагментов значения составляющих ее лексических единиц.

Обратим, однако, внимание на то, что несмотря на трудность решаемой лексической типологией задачи, интерес к этой проблематике, очевидным образом, растет, о чем свидетельствуют, в том числе, недавние издания Newman 1997, 2002, которые посвящены анализу лексем или групп лексем в целом ряде языков мира, собранный, в традициях типологических описаний, под одной обложкой. Очень интересным был проект, осуществлявшийся в Варшавском университете в середине 90-х годов под руководством проф. Р. Гжегорчиковой. В рамках этого проекта исследовалась семантика прилагательных размера и цвета в различных – в том числе нескольких славянских – языках (ср., например, Grzegorzczkova 1997, Grzegorzczkova, Waszakowa 2000). К сожалению, прямой сопоставимости результатов исследования удалось добиться только в области цветовых полей, однако сам этот проект дал огромный стимул к лексико-типологическим исследованиям – в том числе и лично для одного из авторов этой статьи, принимавшем в нем участие.

Вернемся, однако, к проблеме родственных языков и вопросу о том, можно ли включать материал таких языков в исследования по лексической типологии. Наш ответ: несомненно, да – и мы надеемся, что материал этой работы послужит аргументацией в пользу этой точки зрения. Мы покажем, что в лексической семантике расхождение языков происходит быстрее, чем во внешней форме лексем. Поэтому даже в том случае, когда сопоставляемые семантические поля в достаточно близких языках состоят только из этимологически родственных слов (иначе, *когнатов*, ср. англ. термин *cognate*), к тому же хорошо сохранивших фонетическое сходство, т.е. “узнаваемых” носителями другого языка, наборы семантических параметров, сопоставляющих лексику внутри такого поля, в этих языках могут, тем не менее, оказаться различны – в той же степени, в какой они могут быть различны для генетически не связанных между собой языков или для тех семантических полей сопоставляемых родственных языков, в которых вовсе нет когнатов.

В качестве примера в нашей работе предлагается опыт сопоставительного исследования в области лексической семантики для двух близкородственных славянских языков – польского и русского: сравниваются системы польских и русских глаголов со значением вращения, которые как раз практически целиком состоят из когнатов. Мы покажем, что сравниваемые системы значительно различаются, и в то же время, выделяются общие параметры, которые, как мы надеемся, претендуют на то, чтобы быть когнитивно и типологически релевантными и на которые, тем самым, можно опереться при дальнейшем, более широком типологическом исследовании.

Работа опирается на данные словарей – как двуязычных, так и толковых, материал корпусов текстов³ и опросы информантов, носителей польского и русского языков. Мы хотели бы принести особую благодарность Магдалене Данилевичовой, Ольге Леонидовне Катречко, Валентине Григорьевне Кульпиной, а также Малгожате Витославской, Мирославу Яворскому, студентам-русистам Гданьского университета и всем, кто помогал нам проникнуть в семантику польских глаголов.

1. ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ

1. Введение

Ситуация вращения описывается в русском и польском языках четырьмя парами когнатов; причем внутри каждой пары глаголов хорошо сохранилось фонетическое сходство, ср.:

<i>крутиться</i>	–	<i>kręcić się</i>
<i>вертеться</i>	–	<i>wiercić się</i>
<i>вращаться</i>	–	<i>obracać się</i>
<i>кружить(ся)</i>	–	<i>krążyć</i>

В польском, кроме того, для выражения идеи вращения используется глагол *wirować*, в литературном русском отсутствующий (ср. однако отмеченное в северо-западных говорах еще В.И. Далем *вир* ‘омут, водоворот’).

В обоих языках выделенная группа глаголов вращения представляет собой квази-синонимы, плохо различаемые современными словарями, ср. толкования МАС:

КРУТИТЬСЯ – совершать круговое движение, вращаться, вертеться;
ВЕРТЕТЬСЯ – совершать круговые движения, вращаться, кружиться;
КРУЖИТЬСЯ – двигаться по кругу, кругообразно.

Та же картина характерна и для польских словарей, ср. соответствующие фрагменты словарных статей PSJP и SJPSz⁴:

KRĘCIĆ SIĘ - *obracać się dookoła swej osi, wirować, być wprawionym w ruch wirowy* ‘вращаться вокруг своей оси, кружиться, быть приведенным в круговое движение’ (PSJP); *być wprawionym w ruch obrotowy, wprawiać siebie w ruch wirowy; obracać się w koło, wirować* ‘быть приведенным в круговое движение, приводить себя в вращательное (вихревое) движение, вращаться кругообразно, кружиться’ (SJPSz);

OBACAC SIĘ - *kręcić się, wirować* ‘крутиться, кружиться’ (PSJP); *być obracany; kręcić się, wirować* ‘быть вращаемым, крутиться, кружиться’ (SJPSz);

KRĄŻYĆ – *wykonywać ruch kołowy; zataczać kręgi* ‘совершать круговое движение, описывать круги’ (PSJP и SJPSz);

WIROWAĆ – *obracać się ruchem wirowym* ‘вращаться круговыми (вихревыми) движениями’ (PSJP); *obracać się w koło, kręcić się; krążyć wokół czegoś, nad czymś* ‘вращаться кругообразно, крутиться, кружить вокруг чего-то, над чем-то’ (SJPSz).

Между тем, и в том, и в другом языке каждый глагол, безусловно, имеет свою индивидуальную семантику и сочетаемость, отличную от остальных. Об этом свидетельствуют примеры, в которых невозможна взаимозамена одних глаголов вращения на другие, ср. (1) – (4):

(1) *Наша планета вращается* (**крутится* / **вертится* / **кружится*) *вокруг Солнца*

³ Используются примеры из архива Национального корпуса русского языка, а также из архива корпуса текстов Польского Научного издательства (slowniki.pwn.pl/korpus; ниже [PWN]) и Гданьского университета (www.cogito.univ.gda.pl/biblioteka/wsieci; ниже [UG]). При поиске русских примеров применялась программа, составленная А.В. Санниковым.

⁴ Очень интересные замечания о семантике глаголов вращения содержатся в монографии Воjar 1979, однако в задачу этой книги, посвященной самым разным польским глаголам движения, не входило системное описание представителей группы вращения, так что найти в ней ответы на все многочисленные вопросы, возникающие при сравнении разных лексем, тоже не удается.

(2) *Швейная машинка сломалась: у неё ручка не крутится (*вращается / *вертится / *кружится)*

(3) *Александр от нетерпения вертелся (^{??}крутился / *кружился / *вращался) на месте.*

То же для польского:

(4) *Ziemia krąży (*obraca się / *kręci się / *wierci się / *wiruje) wokół Słońca* ‘Земля вращается вокруг Солнца’.

С другой стороны, уже сопоставление примеров (1) и (4) свидетельствует, что данные когнаты по-разному структурируют семантическое поле вращения в каждом из языков: один и тот же контекст в русском требует глагола *вращаться*, а в польском – глагола *krążyć*, когната для русского *кружиться*. Для объяснения подобного рода эффектов требуется специальное исследование: современные двуязычные словари не дают им объяснения. Мы предприняли такое исследование, имея в виду выделить семантические параметры, задающие в каждом случае сочетаемостные возможности русских и польских глаголов. Результаты его представлены ниже: в следующих разделах будет последовательно сопоставляться семантика русских и польских глаголов, образующих пары когнатов.

2. Русск. *крутится* ~ *вертеться* vs. польск. *kręcić się* ~ *wiercić się*

Начнем с русского.

2.1. *Крутиться* ~ *вертеться*: семантика вращения.

Крутиться и *вертеться* – наиболее близкие по своей семантике глаголы вращения, во многих контекстах легко поддающихся взаимозамене, ср. хорошо известное *крутится, вертится шар голубой*. Эти глаголы описывают прежде всего движение некоторого предмета вокруг собственной оси, поэтому оба они применимы к движению колеса, ср. (5)-(6):

(5) *В огромном машинном зале безмолвно ходили маслянистые поршни и **крутилось** страшное маховое колесо* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей);

(6) *Колесо **вертелось** долго* (Ф. Достоевский. Игрок).

Любопытно, однако, что несмотря на то, что субъект вращения в этих примерах один и тот же, поменять глаголы местами не просто. Дело в том, что в случае явно целенаправленного и / или контролируемого движения *вертеться* практически исключено – а именно такая ситуация подразумевается в (5). Ср. также (7) – (9):

(7) *Левой рукой Олеся быстро сучила белую, мягкую, как шелк, кудель, а в правой у нее с легким жужжанием **крутилось** (*вертелось) веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала его и коротким движением пальцев опять заставляла вертеться* (А. Куприн. Олеся);

(8) *<...> винт **крутится** (*вертится) от встречного потока!* (В. Конецкий. Вчерашние заботы);

(9) *На траве-мураве целый день **крутится** (*вертится) поливалка* (Д. Гранин. Месяц вверх ногами).

Поэтому именно *крутится*, а не *вертится* употребляется в русском в контексте отрицания в значении ‘не работает’ – о части артефакта, предназначенной <человеком> для вращения – ср. (2), а также (10):

(10) *И сам тоже вошел в сарай - крайне интересно стало: как инженер обнаружит, что колесо не **крутится*** (В. Шукшин, Упорный).

Несовместимость целенаправленности движения с семантикой *вертеться* видна и в примерах типа (11), с одушевленными субъектами:

(11) *Вся труппа вышла на арену: по манежу бегал клоун, на огромных тумбах восседали львы, под потолком **крутились** (*вертелись) гимнасты.*

Наоборот, в контекстах неконтролируемого движения, как в (12), предпочтение отдается глаголу *вертеться*:

(12) *Скрипя пружинами, **вертелся** (^{??}крутился) на койке Гвоздев* [пример МАС].

Соответственно, в контекстах, допускающих взаимозамену, возникает легкий сдвиг значения в сторону нецеленаправленности / неконтролируемости в случае, если употреб-

лено *вертеться*, и целенаправленности / контролируемости ситуации в случае *крутиться*. Так, обычно колеса едущего транспорта *крутятся*, но не *вертятся*: в этом случае имеется в виду ситуация целенаправленного вращения, а колеса перевернувшегося транспортного средства вращаются бесцельно, и в таком контексте естественно *вертеться*, как в (13):

(13) *Герстнер уцепился за колесо перевернутой кибитки – колесо **вертелось**, и Герстнер судорожно перебирал спицы* (В. Кунин, Чокнутые)

Впрочем, в такого рода контекстах возможно и *крутиться*, как в (14), но тогда описывается инерционное движение: мотоцикл уже перевернулся, а колесо все еще крутится, как если бы он продолжал <целенаправленное> движение:

(14) *Смятый мотоцикл лежал на куче бульжника, заднее колесо его **крутилось*** (Г. Бакланов, Был месяц май).

Понятно и то, что *колесо времени* или *прогресса* – скорее, *крутится*, чем *вертится*, и наоборот, вращение малоуправляемого колеса игорного стола хорошо описывается глаголом *вертеться*, ср. пример (6), а также (15):

(15) *Пока оно **вертелось** – а это длилось целую вечность – Коломбина шевелила губами: молила Бога, Судьбу, Смерть (уж и сама не знала, кого), чтобы мальчику не выпала роковая ячейка* (Б. Акунин, Любовница Смерти).

Если с этой точки зрения рассмотреть характерные субъекты вращения, окажется, что некоторые из них явным образом тяготеют к одному из глаголов:

	<i>крутиться</i>	<i>вертеться</i>
колесо	+	+
карусель	+	?
флюгер	+	+
мотор	+	?
лопасти мельницы	+	+
руль	+	?
колесо обозрения	+	?

Как видим, *крутиться* выглядит в этой таблице глаголом более общей семантики, “перекрывающим” употребление *вертеться* – но только потому, что действительно довольно непросто подобрать ситуацию, для которой была бы запрещена замена *вертеться* на *крутиться*, т.е. которая не допускала бы интерпретации как целенаправленной. С этой точки зрения любопытны примеры (16) и (17), где употребление *крутиться* представляется крайне нежелательным: в самом деле, если представить себе, например, в (17) *крутился* на месте *вертелся*, это означало бы, что хвост действовал сам по себе, независимо от хозяина – и это вполне согласуется с нашими представлениями о семантической доминанте *крутиться* и *вертеться*.

(16) *Вдруг я услышал сзади меня, почти у головы моей, какой-то трескучий шелест; я обернулся и увидел, что гад всползает по стене и уже наравне с моею головой, и касается даже моих волос **хвостом**, который **вертелся** (“крутился”) и извивался с чрезвычайною быстротой* (Ф. Достоевский. Идиот)

(17) *И, чтобы сделать это желание более понятным, собака вытягивала передние лапы, клала на них боком голову, а зад ее потешно поднимался, и **хвост вертелся**, как ручка у шарманки* (Л. Андреев. Петька на даче);

Семантика неупорядоченного движения

Представляет интерес и переносное значение этих глаголов, когда собственно вращательный компонент движения теряется или почти теряется и остается идея неупорядоченного движения. Это очень характерный перенос – с вращения на хаотичное перемещение (прежде всего, людей) – по-видимому, он широко распространен. В русском языке тот же эффект мы будем наблюдать и на примере другого вращательного глагола – *кружить*, однако в каждом конкретном случае есть интересные семантические нюансы.

Итак, самопроизвольное (хотя и нецеленаправленное) движение, свойственное *вертеться*, очень естественно для живых субъектов, Имеется в виду во-первых, беспорядочное движение вокруг своей оси, сидя – как в *вертится на стуле*; в таких случаях – при том, что некоторый “след” вращательности сохраняется (движение человека происходит вокруг своей оси), замена *вертеться* на *крутиться* (иными словами, реинтерпретация ситуации как целенаправленной) невозможна, ср. (18), где человек ни характер, ни последовательность движений не контролирует:

(18) *Роцин вертелся (*крутился) на извозчике, ища глазами Катю* (А. Толстой, Хождение по мукам)

Во-вторых, речь идет о неупорядоченном перемещении человека в пределах некоторого небольшого пространства, заданного каким-то пространственным ориентиром, который напоминает нам об исходной оси вращения, ср. *вертелся под ногами, вертится перед зеркалом*. Контексты такого рода неупорядоченного движения свойственны и глаголу *крутиться*, но в этом случае может так или иначе проявляться свойственная этому глаголу целенаправленность движения. В частности, при *крутиться* локализация выбирается субъектом для определенной цели, и здесь очень характерны предлоги “смежности”: *у, возле, около*, часто вводящие в качестве ориентира имя лица ср. (19):

(19) *Возле него (около него / рядом с ним / у него в квартире) постоянно крутились (*вертелись) какие-то сомнительные личности* (= сомнительные личности старались окатиться около выбранного ими человека)⁵.

Целенаправленность сохраняют и другие, более удаленные от исходного вращательного значения употребления, где глагол *крутиться* значит, приблизительно: ‘успевать в ограниченное время делать много разнообразной деятельности, преодолевая разнообразные препятствия’, ср. (20) – (21); как мы и ожидаем, эти контексты не свойственны *вертеться*:

(20) *С утра до вечера, бедняга, крутится (*вертится), а женка из-за стойки командует, да чай с вареньем дует без передышки* (Вас. Андреев. Волки).

(21) *Иной раз он вытаскивал его из кучи газет, быстро заглядывал в сводку футбольного чемпионата, -- как там возлюбленное «Динамо» крутится (*вертится), хлопал ладонью по краю стола то с досадой, то с удовольствием и тут же отбрасывал орган Госкомитета по физкультуре* (В. Аксенов. Московская сага).

Интересно, что в тех случаях, когда переносное значение беспорядочного движения метафорически применяется к неодушевленным субъектам (обычно абстрактным: мыслям, идеям, пока не осозанным, словам, пока не сказанным, т.е. как бы “не пойманным”, не зафиксированным, а значит, находящимся в движении) разница между *крутиться* и *вертеться* нивелируется (т.к. идея целенаправленности перестает быть релевантной), и глаголы в этих контекстах свободно заменяют один другой:

(22) *Множество мыслей вертелось (крутилось) у меня в голове* (М. Булгаков. Театральный роман)

(23) *В тот день на языке вертелось (крутилось) дурацкое двустиишие, которое я сам придумал* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги)

(24) *А я смотрю на чаек, и почему-то опять крутится (вертится) в голове Касабланка* (В. Конецкий. Вчерашние заботы)

⁵ Ср., однако, у Достоевского (с точки зрения современной нормы пример, конечно, маркированный: более правильным здесь был бы вариант *крутился*): *Этот негодяй, который несколько лет вертелся перед Степаном Трофимовичем, представляя на его вечеринках, по востребованию, разных жидков, исповедь глухой бабы или родины ребенка, теперь уморительно карикатурил иногда у Юлии Михайловны между прочим и самого Степана Трофимовича, под названием: «Либерал сороковых годов»* (Ф. Достоевский. Бесы).

В то же время, в примерах типа (25), где к неодушевленным субъектам типа *товар*, *деньги* применяется значение ‘успевать...’ (см. примеры 20-21), и *крутится* значит ‘многократно оборачиваться, принося большую прибыль’, всегда подразумевается контролирующей ситуацию субъект, который и управляет процессом, так что несмотря на неодушевленность субъекта, *вертится* в таких контекстах употребляться не может:

(25) *A «Каторга» у них навроде большого света: там и товар краденый крутится (*вертится), и деньги немалые, и все бандюги авторитетные наведываются* (Б. Акунин, *Смерть Ахиллеса*).

2.2. Польские *kręcić się ~ wiercić się* на фоне русских *крутиться ~ вертеться*.

Противопоставление польских глаголов *kręcić się ~ wiercić się* если и сохраняется, то только в зоне одушевленных субъектов, поскольку значение *wiercić się* гораздо уже его русского когната и соотносится только с одушевленными субъектами (\approx ‘поворачиваться в разные стороны, оставаясь на одном месте’, как в *wierci się na krześle* ‘вертится на стуле’):

(26) *Minęła godzina, potem druga, a on ciągle nie spał. Wiercił się, przewracał z boku na bok, nawet próbował zwinąć się.* ‘Прошел час, второй, а он все еще не спал. **Вертелся**, переворачивался с боку на бок, даже пробовал свернуться в клубок’. (L. Kern. *Ferdynand Wspomniały*)

(27) *Niech pan się tak nie wierci – powiedział tata - powrzuca pan wszystkich do wody!* ‘Пожалуйста, не **вертитесь** так – сказал отец – вы нас всех скинете в воду!’ [PWN]

По поводу конкуренции *kręcić się* и *wiercić się* с одушевленными субъектами, заметим следующее. Словари выделяют у *kręcić się* группу соответствующих употреблений, считая их, по-видимому, полностью синонимичными *wiercić się*, ср. толкование, которое для таких случаев предлагается в PSJP: *zmieniać często pozycję; wiercić się* ‘часто менять позицию, вертеться’ (*kręcił się na krześle* ‘крутился на стуле’); ср. также в SJPsz: *siedząc, stojąc, leżąc, ciągle zmieniać pozycję, guszać się; wiercić się* ‘сидя, стоя, лежа постоянно менять позицию, двигаться, вертеться’. Однако наши исследования польских корпусов современных текстов и текстов интернета не выявили ни одного случая употребления *kręcić się* в таких контекстах; информанты в своих оценках соответствующих примеров тоже оказывают предпочтение глаголу *wiercić się*.

Тем самым, польск. *wiercić się* (в отличие от русск. *вертеться*) не применим к неодушевленным субъектам: ни флюгер, ни карусель, ни колесо, будучи в движении, с помощью этого глагола описаны быть не могут. Эта зона доступна только глаголу *kręcić się*, для которого (как и его русского когната) главное – наличие оси вращения:

(28) *Wygrywał ten uczestnik, któremu bąk kręcił się (*wiercił się) najdłużej - opowiada dyrektor muzeum.* ‘Выигрывал тот участник, у которого юла **крутилась / вертелась** дольше всех – рассказывает директор музея [UG]

(29) *Nad nami dostojnie acz niebezpiecznie kołysząc się kręcił się (*wiercił się) wielki wentylator.* ‘Над нами с почетом, однако опасно покачиваясь, **крутился / вертелся** большой вентилятор’ (K. Warga. *Chłopaki nie płaczą*)

Поэтому русское *Пока Земля еще вертится* (Б. Окуджава) переводится на польский как *Dopóki nam Ziemia kręci się*.

Если семантика польского *wiercić się* уже русского *вертеться*, то *kręcić się*, как оказывается, наоборот, шире своего когната *крутиться*. Дело в том, что *крутиться* обязательно предполагает внутреннюю ось вращения, свойственную самому вращающемуся субъекту (поэтому прототипическим субъектом для *крутиться* и является колесо). Что же касается польского *kręcić się*, то при нем допустимы и субъекты, не имеющие собственной оси вращения – и вообще не вращающиеся, правда, определенной формы: это длинные гибкие объекты (например, дорога, волосы), как бы закрученные вокруг *внешней* оси или так же закрученная цепь отдельных объектов (например, снежинки). Обратим внимание, что в таком случае внешняя ось, которую огибает вытянутый предмет, хотя и не является частью этого предмета (как у флюгера, винта или колеса), тоже не произвольна: речь идет

о (часто циклическом) отклонении предмета от своей же прототипической формы (волосы) или траектории движения (дорога).

Такая “дополнительная” по отношению к русскому *крутиться* зона употреблений польского *kręcić się* в русском обычно передается глаголом *виться*:

(29) *Droga kręciła się miejscami samą krawędzią pól* ‘В некоторых местах дорога **вилась** вдоль самого края поля’ (К. Grochola. *Nigdy w życiu*)

Однако русское *виться* предполагает в том числе и актуальное движение (ср. в других контекстах: *вьется флаг* = ‘развевается, движется на ветру’⁶). Между тем, в примерах на употребление *kręcić się* такого рода физического движения нет, предмет находится в покое, а глагол вращения описывает результат некоторого абстрактного движения относительно ориентира, который хотя и не внутренний, т.е. не является частью <движущегося> предмета, но все-таки непосредственно с ним соотносится. Такая трактовка семантики *kręcić się* в “неканонических” с точки зрения русского контекстах дает возможность проследить связь и с его базовыми употреблениями (применительно к колесу и флюгеру), и с его русским когнатом *крутиться*.

Несколько слов о переносном значении беспорядочного движения: оно свойственно и польскому *kręcić się*. При этом, так же, как и его русский когнат, *kręcić się* тяготеет к контекстам с локализацией смежности и одушевленным ориентиром⁷, ср. (8).

(30) *Okolo księcia kręciło się немало dworaków służących i schlebających dla własnej korzyści, ale orli umysł Jeremiego wiedział dobrze, co o kim trzymać* ‘Вокруг князя **крутилось** немало дворовых, служащих и угождающих ради собственной выгоды, однако проницательный Еремей хорошо понимал, кто что из себя представляет’ [UG].

Но и здесь круг употреблений *kręcić się* шире, чем у русского *крутиться* – в частности, польский глагол описывает не только движение *około* определенного (в том числе и одушевленного) ориентира, но и (беспорядочное) перемещение *wнутри* замкнутого пространства. В русском языке такой тип движения обычно передается глаголом *бегать* (*no*), ср. (31) – (32):

(31) *Dom jest czysty i zadbany, po pokoju kręci się dwójka dzieci* ‘Дом чистый и ухоженный, по комнате **бегают** [букв. ‘крутятся’] двое детей’ (К. Grochola);

(32) *Kolacja się dogotowywała, Józka kręciła się po izbie, a stary pykał z fajki w komin i coś sobie myślał głęboko, bo prawie się nie odzywał*. ‘Ужин доходил, Юзка **бегала** по комнате, а старик, попыхивая трубкой в камин, о чем-то глубоко задумался, поскольку почти всё время молчал’ [UG].

Русский глагол *крутиться* в подобных контекстах не встречается⁸.

⁶ По-польски в случае актуального движения *kręcić się* не употребляется: так, для движения флага выбирается другой глагол, когнат русского *виться* – *развеваться*, ср.: *Zebrana na brzegach zatoki ludność wiwatowała, na wszystkich okolicznych budynkach powiewały flagi angielskie i amerykańskie, a w świat poszły pierwsze depesze, zawiadamiające o szczęśliwym zakończeniu akcji* ‘Собравшиеся на берегу залива люди ликovali, на всех окрестных зданиях **развевались** английские и американские флаги, а по миру пошли первые депеши, уведомляющие о счастливом окончании военных действий’ (Kalejdoskop Techniki).

⁷ Впрочем, неодушевленный ориентир тоже возможен, ср: *Kilku gazetecarzy ze schroniska, z plikami gazet niemieckich pod pachą, kręciło się na przystankach niezdecydowanie* ‘Несколько газетчиков из убежища, со стопками немецких газет под мышкой, нерешительно **крутилось** на остановках’ (Т. Borowski. *Pożegnanie z Marią*).

⁸ И все-таки в нашей выборке оказался один нетривиальный пример такого рода – что интересно, не с глаголом *крутиться*, а с глаголом *вертеться* (который, как мы помним, тоже употребляется в локативных контекстах беспорядочного движения). Пример встретился у Достоевского – и это не случайно: Достоевский, как мы видели (см. сноску 2), склонен расширять зону *вертеться*; кроме того, он, как известно, нередко допускает полонизмы: *Обращался и к Прасковье Ивановне и к Лизавете Николаевне, даже мельком сгоряча крикнул что-то отцу, – одним словом, очень вертелся по комнате* (Ф. Достоевский. *Бесы*).

3. Русск. *вращаться* vs. польск. *obracać się*

Этимологически и морфологически ближайшим коррелятом польскому *obracać się* является русское *оборачиваться* со значением ‘повернуть голову или часть туловища, чтобы посмотреть назад (только о человеке)’.

Но это значение лежит на периферии зоны вращения (хотя и сохраняется глаголом *obracać się*⁹ – наряду с другими), и с этой точки зрения, *оборачиваться* “не интересно” сравнивать с польским *obracać się*. Другой русский глагол, морфологически близкий польскому, *обращаться* – церковнославянизм, в современном языке он уже не описывает вращательного движения, наиболее употребительны для него контексты типа *обратиться к кому-л. за чем-л.* со значением ‘попросить’. Поэтому для сравнения с польским *obracać się* мы выбрали не точный, хотя и довольно близкий когнат: глагол *вращаться*.

Вращаться описывает небыстрое равномерное и длительное движение предметов вокруг оси – характерное для механизмов и их частей (колёса станков, турбины и т.п.):

(1) *Вскоре пила с победным воем вновь врезалась стальными, бешено вращающимися зубьями в железо и разметывала фонтаны горячих искр* (К.Г. Паустовский, Повесть о жизни)

Широко распространены и вполне укладываются в наше представление о *вращаться* контексты уподобления обыденных предметов механизмам:

(2) *<...> черная с серебряным резным набалдашником трость вращалась, как пропеллер, образуя в воздухе прозрачный круг* (Ал. Кабаков, Последний герой).

Равномерное и длительное круговое движение подразумевает много последовательных оборотов, поэтому сочетания типа *кран (не) вращается* выглядят странно: лучше в такой ситуации выбрать *(не) крутится*, безразличное к числу оборотов или *(не) поворачивается*, где, напротив, имеется в виду только неполный оборот. С другой стороны, именно глагол *вращаться*, точнее, причастие от него, выбирается как термин, обозначающий артефакты, предназначенные для вращательного движения. Говорят: *вращающееся кресло, табурет, двери, башня танка*, но не: *крутящаяся* или *вертящаяся* (что значило бы актуальное, а не потенциальное – и тем самым, как бы бесконечное – движение).

Еще одно яркое проявление семантических свойств *вращаться* – в его неспособности сочетаться с одушевленными субъектами и – в прототипическом случае – с частями человеческого тела: живые субъекты в принципе не соответствуют механическому движению *вращаться*, ср. запреты типа **мальчик вращался на стуле*. Исключение составляют *глаза*: в русском языке есть устойчивое сочетание *вращать глазами* со значением ≈ ‘сознательно приводить глаза в круговое движение, как бы механическое’, которое, вполне укладываясь в семантику глаголов вращения, влияет на непереходные употребления, так что с некоторым трудом и в определенных контекстах может встретиться и *глаза вращаются* – как их самопроизвольное движение, ср. (3) – (5):

(3) *Находясь в состоянии сценического экстаза, я даже и не удивилась, увидев льющуюся кровь по лицу убитого мною Скарпия, и пришла в себя только от дико вращающихся глаз мертвеца* (Г. Вишневская. Галина: История жизни)

(4) *У него топорщились усы и один глаз вращался* (Юрий Олеша. Три толстяка);

(5) *И сверкнули глаза – два острых буравчика, быстро вращаясь, ввинчивались все глубже, и вот сейчас довинтятся до самого дна <...>* (Е. Замятин, Мы)¹⁰.

Характерным контекстом, и тоже хорошо соответствующим описанной выше семантике *вращаться*, является движение планет: это бесконечное вращение с внешней или

⁹ Ср. примеры типа: *Gdy się obracał aby zaatakować następnego na jego pierś spadł cios* ‘Когда он оборачивался, чтобы атаковать следующего, его поразил удар в грудь’ (S. Grzesiuk. Opowiadania).

¹⁰ Очень редко встречаются нестандартные примеры на употребление *вращаться* с другими частями тела, как у Набокова, у которого вообще очень большая частотность этого глагола: *Буш читал быстро, его лоснящиеся скулы вращались* (В. Набоков, Дар); ср. также другой пример того же автора, с переходной формой глагола: *Иннокентий молча шагал рядом, вращая ротом (луцил семечки)* (В. Набоков, Круг).

внутренней осью (вокруг какого-то другого объекта или вокруг своей оси), упорядоченное и равномерное (как бы механически заданное) настолько, что никаким другим русским глаголом вращения описано быть не может, ср. пример (1), а также:

(6) *Солнце **вращается**, и место извержения давно переместилось в сторону* (А. и Б. Стругацкие. Страна багровых туч)

(7) *Он не был сам творцом своего пути, своей судьбы; ему, как планете, очерчена орбита, по которой она должна **вращаться*** (И. Гончаров. Обрыв).

Движение планет называется именно *вращением*, или *вращательным* движением, и этот термин вообще в русском языке закреплён как научное обозначение перемещения по кругу. В силу семантики *вращаться*, “разрешающей” (в отличие от других глаголов вращения) и внутреннюю, и внешнюю ось, *вращаться*, действительно, лучше других приспособлен для обобщающей роли нейтрального генерического предиката, и в русском языке занимает это место.

Функция польского *obracać się* другая: на роль обобщающего глагола вращения в этом языке претендует, скорее, *kręcić się*, и он же, а не *obracać się*, употребляется применительно к планетам и другим “упорядоченным” в своем круговом движении небесным телам, см. пример (4) в первом разделе. Дело в том, что в польском именно *kręcić się* безразличен к тому, является ли ось вращения внешней или внутренней¹¹ – *obracać się*, по-видимому, предпочитает внутреннюю ось вращения. Другое отличие семантики *obracać się* от русского *вращаться* в том, что, он может описывать и единичный оборот, причем как полный, так и неполный – и в этих контекстах соответствует совсем другому русскому глаголу – *повернуться / поворачиваться*, ср. *obrócić się na pięcie / na drugi bok / tyłem* ‘повернуться на пятке / на другой бок / задом’; такого рода контексты возможны и с неодушевленным субъектом, ср:

(8) *Nie mogę otworzyć zamka: klucze nie **obracają się*** ‘Я не могу открыть замок: ключи не **поворачиваются**’.

В том случае, если круговое движение, обозначаемое *obracać się*, более длительно, оно должно быть не очень быстрым, так, чтобы отдельные обороты могли быть различимы наблюдателем, поэтому в качестве субъектов вращения для этого глагола характерны колёса, стрелки часов, крылья ветряной мельницы и значительно менее предпочтительны карусель или флюгер, с которыми употребляется более общий *kręcić się*.

(9) *Patrzył z ogromnym skupieniem, jak pod białą pustynią sufitu **obraca się** (^{??}*kręci się*) powoli śmigła wentylatora*. ‘Он очень сосредоточенно смотрел, как под белой пустыней потолка медленно **вращается** пропеллер вентилятора’ (W. Żukrowski. Kamienne tablice).

Такое ограничение вполне объяснимо, если иметь в виду целостную модель семантики *obracać się*: движение, которое этот глагол обозначает, как бы состоит из оборотов – одного, части оборота, нескольких или многих¹².

Любопытно, что русское *вращаться* и польск. *obracać się* “сходятся” в переносном значении: МАС выделяет для *вращаться* употребления со значением ‘часто бывать в каком-либо обществе, среде’, а SIP 1995, соответственно, для *obracać się*, значение ‘*przebywać, bywać gdzieś; znajdować się gdzieś*’ (‘пребывать, бывать где-то, находиться где-то’), ср. следующую пару примеров:

(10) *Ольга <...> энергична, замужем за американским писателем, **вращается** в издательском мире, - всё стекается удобно* (А. Солженицын. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов)

(11) *Schmidt-Holtz nie ma doświadczenia w dziedzinie muzyki, ale **obracał się** wśród artystów, ma zdolności twórcze - wyjaśnił rzecznik grupy* ‘У Шмидт-Хольца не было музы-

¹¹ Вспомним здесь, что именно *kręcić się* применим к длинным гибким предметам – типа волос или дороги, – закрученных вокруг *внешней* оси (см. выше раздел 2.2).

¹² На особую роль оборотов в семантике *obracać (się)* указывает также и Војаг 1979, см. прежде всего с. 38. Там же обращается внимание на то, что этот глагол описывает как вращение в несколько оборотов, так и вращение в неполный оборот.

кального образования, однако он **вращался** в среде артистов, имел творческие способности – объяснил представитель группы’ [PWN]

И в русском, и в польском это значение существовало в XIX веке и, в общем, сохранилось до сих пор. В русском, однако, оно значительно сузило зону своего употребления (в пользу “механических” контекстов глагола *вращаться*), стало менее нейтральным (хотя, по-видимому, и раньше нельзя было сказать: ср. **вращался среди хулиганов / *в кругу бродяг* и под., ср. ниже польские примеры) и закрепилось только по отношению к престижному, высшему обществу – часто иронически, с опущением локативной позиции, ср. (12) – (13):

(12) *В сферах **вращаешься*** (В. Астафьев, Прокляты и убиты)

(13) <...> *когда уже совсем становилось невозможным, она говорила себе, что, верно, будни актрисы Гуацинтовой не намного разнообразнее ее буден, <...> – даром что она столичная примадонна, **вращается** и вообще* (Вяч. Пьецух. Рассказы).

В польском таких ограничений нет, глагол *obracać się* совершенно нейтрален и употребляется по отношению к любому обществу и любой среде:

(14) *14-letni syn opuścił się w nauce, zaczął palić papierosy, **obracał się** w złym towarzystwie, próbował późno wracać do domu* ‘14-летний сын стал хуже учиться, начал курить, **попал** в плохую компанию (букв. ‘вращался в плохой компании’), пытался поздно возвращаться домой’.

(15) *Kiedy więc przedstawiciele instytucji formalnej kontroli społecznej określą chłopca, który już od dawna **obraca się** w kręgach przestępczych, jako nieletniego przestępcę, nie będzie to miało poważniejszego wpływu na jego dotychczasowy obraz własny.* ‘Ведь когда представители институтов общественного контроля определяют мальчика, который уже давно **вращается** среди преступников (букв. ‘в преступных кругах’), как малолетнего преступника, это нисколько не повлияет на его собственный образ’ (А. Siemaszko. Granice tolerancji).

4. *Кружить(ся) vs. krążyć*

Трудность сопоставления польского и русского в этой зоне состоит в том, что в русском языке имеется два глагола – переходный *кружить* и непереходный *кружиться*, и оба они достаточно близки польскому *krążyć*. Дело в том, что русское *кружить* имеет непереходные употребления со значением вращательного движения типа (1), которые считаются синонимичными возвратному *кружиться*, ср. (2):

(1) *На бледном небе ястреб **кружит***

(2) *Над городом высоко **кружились** немецкие самолеты.*

Польское *krążyć*, с одной стороны, легко переводит русское *кружить / кружиться* в этих контекстах, ср (3) и (4):

(3) *Jastrząb **krążył** nad wodą, szukając swej ofiary* ‘Ястреб **кружил** над водой, ожидая жертву’ [PWN]

(4) *Nasz samolot kwadrans **krążył** w powietrzu, bo nie było miejsca na lądowanie* ‘Наш самолет 15 минут **кружил** в воздухе, поскольку не было места для посадки’ [PWN]

С другой стороны, *krążyć* не имеет возвратного производного, так что этот глагол может считаться когнатом по отношению сразу к двум русским глаголам – и *кружить*, и *кружиться*. Мы покажем, что, тем не менее, семантически *krążyć* не тождествен полностью ни одному из русских эквивалентов.

Русское непереходное *кружить* описывает прежде всего такую ситуацию, в которой субъект движения описывает круги, обязательно находясь НАД ориентиром, как в (5) – (6). Если ориентир не выражен, им становится говорящий / наблюдатель. *Кружить* таким образом могут немногие – птицы, самолеты, летающие насекомые:

(5) <...> *в поле аист ходит, трещит клювом что пулемет, над ставком, обросшим склоненными ивами, кулик **кружит** или другая какая длинноклювая птица* (В. Астафьев, Пастух и пастушка);

(6) *Кондратюк в кювет - «мессеримитт» кружит над кюветом* (Г. Бакланов, Пядь земли).

Всё это живые существа (а самолеты, как известно, уподобляются в языковом сознании птицам – ср. в Рахилина 2000, с. 305), которые во-первых, значительно удалены от ориентира движения, а во-вторых, сознательно совершают движение, обычно в поиске чего-либо – пищи, добычи, гнезда и под.

Прототипическая ситуация воспроизводится в переносном значении непереходного *кружить*: ‘двигаться извилистым путем, часто меняя направление, блуждая, плутая в поисках чего-то’ (МАС), ср. *долго кружили по городу / в темноте / около собственного дома* и проч. Это уже не собственно глагол вращения, потому что, строго говоря, вращательного движения здесь нет (или оно не обязательно) – но при этом происходит движение вокруг ориентира, в отдалении от него и контролируемое, целенаправленное, часто в поисках ориентира. Тем самым, основные семантические параметры исходного (вращательного) значения *кружить* в этом случае сохраняются, ср.:

(7) *По дороге их захватила метель, они долго кружили* (= ‘искали нужное место’) *и приехали к месту не в полдень, как хотели, а только к вечеру, когда уже было темно* (А. Чехов, По делам службы).

Кружиться предполагает совершенно иной тип движения: субъект движется не над ориентиром, а поступательно, одновременно совершая круговые движения – так движутся танцующие пары, снежинки, листья, падая вниз, и под.:

(8) *Особенно если кружится листочек И осень, как знамя, стоит в отдаленье* (А. Кушнер)

(9) *Вот так и стой и смотри, как кружится-кружится мимо тебя вальс* (И. Грекова. Дамский мастер)

(10) *И мне казалось, что все, так же как и я, не молятся, а просто смотрят на этот дымок, как он поднимается струйками, кружится и несется вверх, к синему, замерзшему окну* (В. Каверин. Два капитана).

Обращает на себя внимание, что глагол *кружиться* часто и естественно употребляется рядом с другими глаголами движения: это обстоятельство, как кажется, подчеркивает поступательную составляющую в его движении, ср. (10), а также (11):

(11) *Он чувствовал, что самолет кружится, несется к земле* (Д. Гранин. Иду на грозу).

Движение, описываемое *кружиться*, в отличие от *кружить*, не имеет ориентира, и с этим связано другое свойство, отличающее его от переходного коррелята: обозначаемое *кружиться* движение обычно самопроизвольно и неконтролируемо, у него нет цели, задаваемой ориентиром. Поэтому, в отличие от *кружить*, для *кружиться* свойственны прежде всего неодушевленные субъекты, не контролирующие ситуацию: *листья, пурга, снег*; эти субъекты не могут оказаться в контексте глагола *кружить*. Другим проявлением спонтанности движения, передаваемого *кружиться*, является употребление этого глагола для описания особого состояния человека, когда он перестает адекватно воспринимать окружающий мир, и ему *кажется*, что предметы беспорядочно движутся – *кружатся* вокруг него:

(12) *Фыркают кони, бегут в ровной степи, и кажется Наташе, что кружится степь и бегут лошади как-то назад...* (Н.Гарин-Михайловский. Гимназисты)

Ср. также метонимическое *голова кружится*; в такого рода “неконтролируемых” контекстах целенаправленное *кружить* тоже никогда не возможно.

Тем не менее, встречаются случаи (и об этом свидетельствуют примеры в начале этого раздела) взаимозамены двух глаголов – однако в таких примерах имеется в виду все-таки не совсем идентичная ситуация: действительно, *ястреб кружится* значительно более бесцельно, чем *кружит*, и при этом в случае с *кружится* траектория его движения значительно менее определена (может включать и невращательное движение), тогда как *кружит*, скорее, предполагает поиск жертвы; ср. здесь близкие примеры (правда, с другим

субъектом), в которых, тем не менее, невозможна замена *кружить* на *кружиться* (иначе муха окажется хищной и прожорливой, высматривающей пирожок как добычу):

(13) *И муха на подоконнике кружится над недоеденным пирожком* (Гр. Канович. Парк забытых евреев)¹³.

Другой характерный класс примеров, в которых возможна взаимозамена этих глаголов – переносные употребления, субъектом которой является имя *тропа*, ср.:

(14) *Тропа кружится / кружит между стволами деревьев, порой отчаянно устремляется прямо вверх...* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

Однако и здесь структура ситуации меняется при переходе от одного глагола к другому: *кружится* значит что-то вроде ‘движется вперед, петляя’, а *кружит* употребляется в своем неосновном значении ‘двигаться извилистым путем <...>, плутая в поисках чего-то’ (МАС), обозначая тем самым движение к какому-то заданному месту (=ориентир)¹⁴.

Польское *krążyć* в описанном отношении ближе к *кружить*, чем к *кружиться* – оно тоже предполагает ориентир вращения. Такой ориентир может, как у *кружить*, располагаться внизу, под движущимся субъектом (ср. примеры в начале раздела), однако он может находиться и в одной плоскости с субъектом, ср. (15) – (18):

(15) *Lódź krąży wokół wyspy* ‘Лодка описывает круги вокруг острова’

(16) *Korowód krąży wokół choinki* ‘Хоровод ходит кругами вокруг елки’

(17) *W cyrku koń chodzi po kole. Krąży po arenie* ‘В цирке конь ходит по кругу. Он ходит кругами по арене’

(18) *Byk zaś chcąc się uwolnić krążył wokół drzewa, owijając linę wokół pnia, aż całkiem skrócił pole manewru* ‘Бык, желая освободиться, **ходил кругами** вокруг дерева, обматывая веревку вокруг пня, так что значительно уменьшил поле для маневра’ [UG].

Легко видеть, что в таких случаях замена *krążyć* на *кружить* в переводах на русский невозможна, и более того, в русском вообще нет глагола вращения, который мог бы выразить эту идею: ближайшим эквивалентом являются сочетания типа *ходить / двигаться кругами*. Ср. также употребление *krążyć* для описания движения крови по кругу, как в (19):

(19) *Krew zaczyna krążyć szybciej w żyłach, pragnie innej krwi* ‘Кровь начинает быстрее **течь** по венам, жаждет другой крови’.

Не различая идею вращения над и вокруг объекта, *krążyć* имеет возможность “захватить” и часть зоны употреблений русского *кружиться*: встречаются примеры, когда *krążyć* описывает движение кружащихся в воздухе листьев или снежинок, ср. (20):

(20) *W powietrzu krążą żółtoczerwone liście* ‘В воздухе **кружатся** желто-красные листья’.

Ср. также:

(21) *Krążyć będą wokół niego w wspaniałym tańcu.* ‘Будут **кружиться** вокруг него в дивном танце’ (P. Saługa. Maraton).

Интересно, что *krążyć* “вбирает” в себя и переносные значения *кружить*, ср. (22):

(22) *Krążyli po całej dzielnicy, zanim doszli do domu* ‘Они кружили (плутали) по всему району, пока не добрались до дому’.

Однако за счет идеи движения кругами класс такого рода употреблений *krążyć* оказывается значительно шире, чем у русского *кружить*, ср. (23):

(23) *Po mieście krążyły patrole wojska* ‘По городу **ходили** (букв. ‘кружили’) патрульные войска’,

а также очень характерное для *krążyć* (24), описывающее абстрактное движение – в данном случае новостей и слухов:

¹³ Для польского, где обе ситуации обслуживаются одним и тем же глаголом, трудность здесь может возникнуть только при выборе русского переводного эквивалента, ср. *Nad pełnym wiadrem krążyły muchy.* ‘Над полным ведром **кружились** (?? **кружили**) мухи’ (B. Wojdowski. Chleb gzucony umarłym).

¹⁴ В Апресян 1995, с. 251 высказывается еще более сильная точка зрения, что *кружить* в таких употреблениях воспроизводит не только ориентир, но и рисунок пути – круги, точно так же, как *петлять* – петли.

(24) *Jakaś plotka musi jednak krążyć o nas po mieście* ‘Все-таки какие-то сплетни о нас, должно быть, **ходят** (букв. ‘кружат’) по городу’.

(25) *O panu Małyszku niespodziewanie zaczęły krążyć dziwne opowieści* ‘О пане Малыше вдруг стали **ходить** странные рассказы’.

В обоих случаях вращательный компонент элиминируется полностью, и акцент делается на беспорядочном движении – но, как видим, в польском (в отличие от русского) такое движение может вовсе не иметь точечного ориентира, и задаваться только пространственной локализацией, так что удачным переводом на русский в таких случаях будет уже не *кружить*, а глаголы типа *ходить* или *бродить*:

(26) *Dym krążył po całej izbie, wisząc chmurą zwłaszcza w górnej jej części, więc poruszanie się po izbie wymagało postawy pochylonej.* ‘Дым **шел** (букв.: **кружил**) по всей комнате, облаком зависая в ее верхней части, так что движение по комнате требовало наклона’ [PWN].

Как мы помним, очень похожий эффект наблюдался с глаголом *kręcić się*, когда в переносных значениях он “терял” ориентир вращения и начинал обозначать беспорядочное движение. Обратим внимание, что в переводах на русский эти контексты переводились более “быстрым” *бегать*, тогда как *krążyć*, как мы видели, “довольствуется” *ходить* или *бродить*. Конечно, это обстоятельство не случайно: вращение вокруг внешнего ориентира (обязательное для *krążyć*) увеличивает его радиус, и, тем самым, делает движение более плавным и медленным. Поэтому беспорядочное движение, описываемое глаголом *krążyć*, может быть локализовано в более обширном пространстве, чем то, которое называет *kręcić się*, но при этом оно не такое быстрое, как в случае с *kręcić się*.

5. Глагол *wirować*

Семантические особенности глагола *wirować*, который как будто стоит особняком в группе польских глаголов вращения и не входит в число когнатов для русской группы, можно проследить даже по имеющимся словарным толкованиям. Так, вполне ясное представление о характере движения, подразумеваемом *wirować*, дает SJPД: ‘очень быстро вращаться вокруг внутренней оси или (о веществе / совокупности объектов) совершать движения так, что результат будет напоминать вихрь или воронку’. В русской языковой картине мира такая ситуация не лексикализуется, и *wirować*, как мы уже говорили, не имеет в ней эквивалентов; обычно он переводится на русский глаголом *крутиться* (обозначающим движение с внутренней осью вращения), который, впрочем не содержит специального указания на высокую скорость вращения, ср., с одной стороны, примеры типа *пластинка медленно крутилась*, а с другой, перевод следующих польских примеров:

(1) *Przebiera nimi na drewnianym kręgu, wprawiając go w ruch, a gdy silnik zaskoczy i krąg wiruje jak szalony – ręce wkłada do miski z wodą, odrywa od bryły gliny wygnięcionej jak ciasto, mięsisty kęs; taki w sam raz na dzbanek* ‘Он перебирает ими на деревянном круге, приводя его в движение, а когда мотор заработает и круг **закрутится** как бешеный – он кладет руки в миску с водой, отрывает от кома глины, вымешанной как тесто, мясистый кусок, в самый раз для кувшина’.

(2) *Pomiary wykonane dzięki obserwacji teleskopu Hubble'a dowodzą, że dysk wiruje z dużą prędkością wokół czarnej dziury.* ‘Измерения, совершенные благодаря наблюдениям с телескопа Хаббла, говорят, что диск с большой скоростью **крутится** вокруг черной дыры’.

(3) *Technika rozwija się bardzo szybko. Standardowy CD-ROM wiruje z szybkością od 240 do 1170 obr/min* ‘Техника развивается очень быстро. Стандартный CD-ROM **крутится** со скоростью от 240 до 1170 об/мин’.

Таким образом, несмотря на отсутствие в русском самого параметра скорости, *wirować* явно соотносится именно с *крутиться*, а не каким-то другим русским глаголом. Косвенным подтверждением этому служит то, что в переносных употреблении *wirować* тоже “захватывает” зону действия *крутиться*, ср.:

(4) *Tyle pytań wiruje mi w głowie.* ‘Столько вопросов **крутится** у него в голове...’

Таким образом, в эти ситуации, связанные с воображаемым движением мыслей, слов, имен, вопросов и проч., как бы следующих по кругу – уходящих из памяти, и потом возвращающихся по очереди, – польский, по сравнению с русским, “добавляет” скорости. Интересно, что именно *wirować* используется в польском и при обозначении другой группы ситуаций, тоже связанных с воображаемым вращением мыслительных представлений, – там, где в русском используется еще более “медленный”, чем *крутиться*, глагол *кружиться*:

(5) *Mam okropny ból głowy: trzęsie mną, a czasami wszystko wiruje* ‘У меня ужасно болит голова, меня знобит, а иногда перед глазами все **кружится**.’

6. Системы вращения и типологически релевантные параметры

Подведем некоторые итоги.

Имеются две системы глаголов вращения в близкородственных языках – русском и польском. Одно и то же семантическое поле членится практически одним и тем же (если не считать глагола *wirować*) набором фонетически близких глагольных когнатов; семантически же это членение не совпадает ни на каком участке семантического поля.

Вот что предлагает русский:

крутиться – контролируемое или управляемое вращение тел, имеющих собственную (внутреннюю) ось, число оборотов не важно;

вертеться – неконтролируемое и неупорядоченное (возможно – в разные стороны) вращение субъекта вокруг собственной оси;

вращаться – равномерное круговое движение с большим числом оборотов вокруг собственной или внешней оси;

кружить – круговые движения над находящимся внизу на большом расстоянии ориентиром;

кружиться – поступательное движение, сопровождаемое вращательным.

Иная картина в польском:

kręcić się – вращение вокруг собственной или внешней оси, закручивание длинных гибких объектов (таких как волосы, дорога);

wiercić się – вращение человека вокруг себя в разных направлениях;

obracać się – вращение вокруг собственной оси, с различимыми оборотами вращения;

krążyć – вращение вокруг внешнего ориентира, на расстоянии от него, в том числе на расстоянии по вертикальной оси (т.е. над ним);

wirować – очень быстрое вращение вокруг внутренней оси, напоминающее вихрь или воронку.

Попробуем оценить принципиальные различия этих систем.

Во-первых, языки по-разному определяют семантические приоритеты для когнатов (например, для *крутиться* возможна только внутренняя ось вращения, а для его когната *kręcić się* и внутренняя, и внешняя; наоборот, русское *вращаться* безразлично к этому противопоставлению, а близкое ему польское *obracać się* выбирает только внутреннюю ось).

Во-вторых, они выделяют разные параметры: например, в польском важна скорость движения – не очень высокая для *obracać się* и очень высокая для *wirować*, а для русских глаголов вращения скорость не релевантна, зато существенно противопоставление по управляемости (*крутиться*) – неуправляемости (*вертеться*).

В-третьих, они по-разному комбинируют смыслы внутри лексемы, “захватывая” разные дополнительные участки семантического поля, и даже соседних полей. Примером может служить любая пара когнатов. Так, в паре *кружить* – *krążyć* русский глагол предполагает дистанцию между субъектом вращения и ориентиром по вертикальной оси (ориентир находится под вращающимся субъектом), а *krążyć* считает эту ситуацию подтипом более общей: вращения вокруг внешнего ориентира, в том числе и в одной с ним плоско-

сти. Русский такого расширения не приемлет и, более того, “не умеет” его выразить лексически внутри поля глаголов вращения, – он “прибегает к помощи” специальных сочетаний с другими глаголами движения (типа *ходить по кругу*).

В-четвертых, даже сходные на первый взгляд переносные значения глаголов при ближайшем рассмотрении довольно серьезно различаются. Польский демонстрирует возможность глаголов в переносных значениях “терять” ориентир вращения, и за счет этого расширять свою семантику. Таким образом различаются *kręcić się* и *крутиться / вертеться* в значении неупорядоченного движения: *крутиться* и *вертеться* в этом случае обозначают движение вблизи некоторого ориентира (первое – целенаправленно, а второе – нет), тогда как *kręcić się* может “терять ориентир”, и обозначать неупорядоченное движение в определенном пространстве (т.е. ситуацию, которая в русском обозначается глаголом *бегать <по>*). Очень похожее распределение в переносных значениях в паре *кружить – krążyć*: русский глагол ориентирует неупорядоченное движение с помощью некоторого (обычно – искомого) пункта, точки в пространстве, выполняющей роль оси вращения, а польский, обозначая эти ситуации как *krążyć*, “разрешает” этому глаголу “терять” ось, и тогда он называет неупорядоченное движение по определенной местности (т.е. опять ситуацию, исключенную из зоны действия глаголов вращения для русского).

Все это означает, что, по сути дела, мы можем и “забыть” о генетическом родстве польского и русского, занимаясь семантикой глаголов вращения. Оба языка обнаруживают чрезвычайную степень сложности этого поля и плохую предсказуемость релевантных для естественного языка параметров. Тем более интересно обозначить те параметры, значимые как с когнитивной, так и с типологической точки зрения, которые можно выделить уже на этом материале. Мы можем сказать, что естественный язык выделяет и различает по крайней мере следующие типы пространственных ситуаций вращения:

- вращение человека на месте (польский)¹⁵;
- вращение (прежде всего, артефакта) вокруг собственной оси – колесо, флюгер (польский, русский);
- расположение (или поворот) длинного гибкого предмета вокруг воображаемой оси – волосы, дорога (польский);
- вращение предмета вокруг внешнего ориентира, находящегося с ним в одной плоскости – лодка вокруг острова (польский);
- вращение над внешним ориентиром – ястреб, ищущий добычу (русский, польский);
- поступательное движение, сопровождающееся вращением – танцующие пары, листья, снег (русский).

Кроме того, можно выделить и абстрактные параметры ситуации вращения, так или иначе влияющие на концептуализацию такого движения в польском или русском:

- управляемость / неуправляемость (русский: *крутиться – вертеться*);
- небыстрое равномерное “механическое” движение (русский: *вращаться*);
- быстрое закручивающееся вихреобразное движение (польский: *wirować*);
- движение в один оборот или измеряемое одним оборотом (представлено, скорее, в польском, глаголом *obracać się*, но он объединяет такое движение с другими ситуациями).

Мы уже говорили, что поле вращения не имеет никакой естественной, предсказуемой структуры и с этой точки зрения, по-видимому, никогда лингвистами не изучалось.

¹⁵Безусловно, релевантной для общей панорамы противопоставлений в зоне вращения с типологической точки зрения будет и вращение головы человека – то, что в русском называется глаголом (тоже вращения) *обернуться*. Как уже было сказано, в этой работе не исключен из рассмотрения только по соображениям внешнего порядка. Мы уже говорили, что поле вращения не имеет никакой естественной, предсказуемой структуры и с этой точки зрения, по-видимому, никогда лингвистами не изучалось.

Этот перечень, с нашей точки зрения, дает первоначальный материал для возможной типологической анкеты, которая бы в будущем определила ход такого исследования.

Остается вопрос о том, как составлять такую анкету, т.е. как пользоваться выделенными нами параметрами. Легко видеть, что говоря о “параметрах” ситуации *вращения*, слишком сложно организованной и семантически, и пространственно, невозможно апеллировать к понятиям, выработанным в рамках теории компонентного анализа: тот тип языкового материала, который был нами рассмотрен, ясно показывает невозможность построения в этой зоне никакой простейшей двумерной признаковой таблицы, заполненной плюсами и минусами. Действительно, в зоне вращения значения релевантных параметров настолько тесно связаны друг с другом, что их почти невозможно отделить друг от друга, и это, как нам кажется, тоже следует из разобранного в этой статье материала. Значит, базу анкеты должны в этом случае составлять не параметры как таковые, а простые примеры пространственных ситуаций, характерных для данной культуры.

Еще раз обратим внимание, что этот первоначальный материал получен из генетически родственных языков, структурирующих поле вращения с помощью легко узнаваемых когнатов.

Литература

Апресян, Ю.Д. 1995. Избранные труды, том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: ЯРК.

Дыбо, А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.

Зализняк, Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии // ВЯ 2001, N 2.

Кибрик, А.Е. 1992. Типология родственных языков: синхрония и эволюция // *Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков*. М.: ИСБ РАН.

Копчевская, Рахилина 1999 – М. Копчевская-Тамм, Е.В. Рахилина. С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М.: ЯРК.

Майсак, Т.А.; Рахилина, Е.В. 2003. Типология систем глагольной лексики: движение в воде // Материалы конференции “Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие”. СПб.

Рахилина, Е.В. 2000. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари.

Рахилина, Лемменс 2003 – Е.В. Рахилина, М. Лемменс. Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением ‘сидеть’ в русском и нидерландском // *Russian linguistics* (в печати).

Шмелев, А.Д. 2002. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры.

Berlin, B.; Kay, P. 1969. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: U. of California press.

Bojar, V. 1979. Opis semantyczny czasowników ruchu oraz pojęć związanych z ruchem. Warszawa: UW.

Bybee 1985 – Bybee J.L. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form. Amsterdam: Benjamins, 1985.

Bybee et al. 1994 – Bybee, J.L.; Perkins, R.; Pagliuca, W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.

Grzegorzczkova, R. 1997. Projekt syntezy badań porównawczych w zakresie nazw wymiarów // B. Nilsson; E. Teodorowicz-Hellman (eds.). Nazwy barw i wymiarów – Colour and measure terms. Stockholm, 97-104.

R. Grzegorzczkova, K. Waszakowa (eds.). Studia z semantyki porównawczej (nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne). Warszawa: UW, 2000.

Kibrik, A.E. 1998. Does intragenetic typology make sense? // W. Boeder et al. (eds.), *Sprache im Raum und Zeit: in memoriam Johannes Bechert*. Tübingen: Narr, Bd. 2: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft.

Newman, J. (ed.). 1997. *The Linguistics of Giving*. Amsterdam.

Newman, J. (ed.). 2002. *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying*. Amsterdam.

Wierzbicka, A. 1991. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin.

Wierzbicka, A. 1992. Semantics, culture and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. New York.

Словари:

МАС: А.П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка в 4-х томах. М.: Русский язык.

ISJP: Inny słownik języka polskiego PWN. Red. nac. Mirosław Bańko. Warszawa: PWN, 2000.

PSJP: Podręczny słownik języka polskiego. Opr. Elżbieta Sobol. Warszawa: W-wo naukowe PWN, 1996.

SJPD: Słownik języka polskiego. (10 tt.). Red. nac. Witold Doroszewski. Warszawa: PWN, 1958-1969.

SJPSz: Słownik języka polskiego PWN. Red. nac. Mieczysław Szymczak. Warszawa: W-wo naukowe PWN, 1995.